А. А. БОНЧ-ОСМОЛОВСКАЯ

Бонч-Осмоловская Анастасия Александровна
кандидат филологических наук
доцент, Школа лингвистики, факультет гуманитарных наук,
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
Россия, 101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 20
*Тел.: +7 (495) 772-95-90 *22504*
E-mail: abonch@gmail.com

Имена времени: эпитеты десятилетий в Национальном корпусе русского языка как проекция культурной памяти[1]

Аннотация. В исследовании рассматриваются конструкции, включающие название десятилетия (*двадцатые*, *тридцатые*, *сороковые* и т. д.) и определяющее его прилагательное, на материале выборки из Национального корпуса русского языка. Интерес к этим конструкциям обусловлен предположением, что по спискам прилагательных, сочетающихся с каждым из десятилетий, и их частотностям можно восстановить мнемонический образ каждого из десятилетий советской и постсоветской истории. Выделяются шесть семантических классов прилагательных, каждый из которых задает свое отображение мнемонического образа десятилетия в языке. Сравнительный анализ частотности сочетаний названий десятилетий с прилагательными различной семантики дает возможность увидеть, какие значимые временны́е периоды XX в. существуют в коллективной памяти, и выделить связанные с ними ассоциативные ряды. Показана разница между восприятием десятилетий и таким образом реконструировать «ландшафт памяти» о советской и постсоветской истории.

Ключевые слова: культурная память, корпусные исследования, лексико-грамматические конструкции, Национальный корпус русского языка

Интерес к феномену коллективной исторической памяти (культурной, социальной памяти) складывается как отдельное направление (memory studies) к началу XXI в. Это неудивительно, поскольку сам подход

[1] Статья написана в рамках научного проекта № 16-01-0109, выполненного при поддержке Программы «Научный фонд НИУ ВШЭ» в 2016–2017 гг. Автор выражает глубокую благодарность М. В. Стравинской, которая была инициатором этого исследования, редактору и двум анонимным рецензентам, сделавшим очень ценные и тонкие замечания и важные добавления. За все ошибки и неточности несет ответственность автор статьи.

© А. А. БОНЧ-ОСМОЛОВСКАЯ

DOI: 10.22394/2412-9410-2018-4-3-115-146

к изучению надындивидуальной памяти идеально вписывается в современный мультидисциплинарный вектор развития гуманитарных наук (см. подробнее обзор [Holm et al. 2015]). Суть междисциплинарных (или, иначе, «постдисциплинарных») исследований состоит в познании и моделировании сложных многогранных объектов, заведомо не вписывающихся в рамки только одной дисциплины. Так, «мнемоистория» — исследование памяти культурных сообществ, феномена забывания, мифологизации исторических событий, поиска национальной идентичности — стала областью сопряжения научных методов и моделей культурологии, истории, философии, социологии, психологии, филологии. Удивительным образом, несмотря на то что язык является одним их ключевых трансляторов культурной памяти [Лотман 2000] или, по выражению основоположника и идеолога memory studies в 1920-е годы М. Хальбвакса [2007], рамкой социальной памяти, собственно лингвистических исследований того, каким образом язык обслуживает «механизмы коллективной памяти» [Лотман 1996: 345], не так много. В основном используемые методы весьма традиционны — это либо описание истории слов или фразеологизмов в культурологическом контексте [Колесов 1986], либо моделирование ассоциативного пространства, сопряженного с абстрактными ценностными понятиями (память, красота, хаос) [Брагина 2007]. Проблема такого рода подходов состоит в их статичности, ориентированности на словарные списки. Между тем, в целом в гуманитарных исследованиях господствует идея коммуникативно-динамического подхода к коллективной памяти. Как пишет А. Г. Васильев, «коллективная память не имеет органической основы, и говорить о ее существовании в философско-онтологическом смысле проблематично. Тем не менее становится ясно, что она возникает как следствие общей коммуникации относительно значений прошлого, закрепленных в жизненных мирах индивидов» [Васильев 2012: 35]. Представляется, что лингвистическое исследование может реализовать такой коммуникативно-динамический подход с помощью включения корпусных данных, позволяющих получить информацию о частотности той или иной лексемы или грамматической конструкции (в том числе и в диахроническом измерении), о ее значимых контекстах употребления, жанровой маркированности и т. п.

В этой статье будет рассмотрена одна грамматическая конструкция, функция которой состоит в актуализации в сознании слушающего образов коллективной памяти, общих с говорящим. Речь идет о конструкции, состоящей из порядкового числительного во множественном числе, обозначающего годы, и предваряющего его определения. Наиболее часто встречающейся реализацией этой конструкции является словосочетание *лихие девяностые*, ставшее уже фактически штампом. Однако, как видно из корпусных данных, эта конструкция весьма разнообразна, содержит в себе несколько типов семантических отношений между определением и определяемым, и, что самое важное, сравнение частотностей употребления этой конструкции для разных десятилетий XX в. отражает значимость и эмоциональную наполненность образов этих десятилетий в сознании носителей коллективной памяти о советской и постсоветской истории. Понятие конструкция используется в данном случае в терминологии теоретической модели грамматики конструкций (Construc-

tion Grammar)[2], основная идея которой состоит в том, что конструкция — это «языковое выражение, у которого есть аспект плана выражения или плана содержания, не выводимый из значения или формы составных частей» [Рахилина 2010b: 19]. В данном случае таким невыводимым компонентом будет семантика апелляции к культурной памяти, которая актуализируется заданной синтаксической формой: только человек, владеющий этой конструкцией, может понять, почему порядковое числительное *девяностый* может во множественном числе сочетаться с каким бы то ни было прилагательным; более того, только носитель постсоветской коллективной памяти способен понять смысл словосочетания *лихие девяностые*: сложный ассоциативный комплекс, обозначаемый этой конструкцией, не описан ни в одном словаре. Как будет показано ниже, строгие лексикографические описания в данном случае едва ли возможны: конструкция эпитета десятилетия является не застывшим фразеологическим оборотом, но принципиально открытым инструментом конструирования новых смыслов. Ее структура содержит в себе фиксированные и открытые элементы — это, с точки зрения грамматики конструкций, является одним из базовых свойств лексико-грамматических конструкций. Фиксированным элементом является лексико-синтаксическая структура, включающая в себя порядковое числительное со значением десятка в множественном числе и согласованное с ним прилагательное (необязательно качественное, как будет показано ниже). Свободным элементом варьирования, создающим новые смысловые комплексы, является собственно лексическое наполнение конструкции, которое не должно вступать в противоречие с требованием фиксированной структуры.

Исследование конструкции «эпитет + название десятилетия» (далее — конструкция эпитетов десятилетий) проводилось на корпусных данных, полученных из Национального корпуса русского языка (Ruscorpora.ru). НКРЯ — представительное и сбалансированное собрание русскоязычных текстов разных жанров и разного времени создания, снабженных многоуровневой разметкой [Плунгян и др. 2005]. Разметка Национального корпуса позволяет осуществлять поиск слов по их морфологическим и семантическим характеристикам; иначе говоря, исследуя определенную конструкцию и задав ее параметры в поиске, мы можем получить сведения о частотности ее лексического наполнения. Именно таким образом были получены данные по конструкциям эпитетов десятилетий. Ниже будут подробно рассмотрены основные классы этих конструкций и их наиболее характерные реализации.

Конструкция эпитетов десятилетий: особенности данных и их интерпретации

Семантическая структура конструкции, состоящей из обозначения десятилетия и его эпитета, чрезвычайно интересна. Порядковое числительное указывает на некоторый промежуток времени, который может быть меньше собственно десятилетия, может быть чуть больше, может начинаться в предыдущем десятилетии, а заканчиваться в середине указанного. Принципиально

[2] Теоретические основания грамматики конструкций, а также анализ ряда русских конструкций наиболее глубоко представлены на русском языке в сборнике [Рахилина 2010a].

то, что говорящий осознает этот отрезок времени как некоторый единый исторический период, а не просто как временную референцию. Более того, этот единый период связан с определенным ассоциативным рядом, существующим и в сознании говорящего, и в сознании тех, к кому обращено его высказывание. Этот ряд ассоциаций актуализируется говорящим с помощью эпитета; таким образом, говорящий апеллирует к общей с аудиторией исторической памяти.

Корпусный анализ конструкции эпитетов десятилетий дает возможность в целом сравнить частотность актуализации разных десятилетий. Как пишет Э. Зерубавель, в коллективном образе прошлого есть свои «периоды-фавориты» и «пустые» исторические периоды, своеобразные «вершины» и «долины» [Zerubavel 2003: 31] (цит. по: [Васильев 2012: 46]). В данном случае осознание десятилетия как периода задается самой языковой конструкцией, а сравнение частотности упоминания десятилетий в контексте эпитетов можно рассматривать как проекцию «ландшафта памяти» — «вершин» и «долин». Следует особо отметить, что рассматривается именно частотность десятилетий в контексте эпитетов (*романтические шестидесятые*, *страшные тридцатые* и т. д.). Простое упоминание десятилетия («в шестидесятые», «в начале тридцатых») может являться стандартным способом временно́й референции события и не соотносится с конструктом общей исторической памяти, моделируемой говорящим в процессе высказывания[3]. Так, обстоятельство времени в предложении «Этот мост был построен в тридцатые годы» понимается как временна́я референция события. Предложение «Этот мост был построен в страшные тридцатые годы» содержит не только временну́ю референцию, но и актуализацию исторической памяти слушающего, который не только знает, как предполагает говорящий, о событиях советской истории в этот период, но и разделяет оценку, которую дает им говорящий[4]. В связи с этим не менее важной задачей, чем сравнение частотности упоминания десятилетий («вершины» и «долины» исторической памяти), является анализ сопутствующих им прилагательных: какие семантические механизмы используются для отсылки к исторической памяти, как различаются эпитеты разных десятилетий, что стоит за конкуренцией эпитетов, характеризующих одно и то же десятилетие.

Важно отметить, что анализ эпитетов, отсылающих к коллективной исторической памяти, с помощью корпусных данных имеет свою методологическую специфику. Стандартные корпусные исследования обычно опираются на данные о частотности употребления языковых единиц: такие данные анализируются с помощью статистических мер, позволяющих выявить значимость тех факторов, которые могут влиять на выбор и реализацию исследуемых единиц или их параметров. Именно высокочастотные данные являются основанием для выводов исследования, в то время как низкочастотные данные, как

[3] Возможно, при более широкой постановке задачи можно сравнивать частотности разных временны́х референций XX в., однако такое исследование потребовало бы отдельной методологии отбора источников.

[4] Характерно, что конструкция с эпитетом затрудняет более точные выражения временно́й референции (например, «в середине страшных тридцатых годов») именно потому, что *страшные тридцатые* обращается к эмоциональному конструкту, а не собственно к хронологии.

правило, отбрасываются, поскольку не являются статистически надежными. В нашем случае даже единичное употребление эпитета в контексте десятилетия оказывается важным: конструкция может быть интерпретирована только при условии, что существуют социальные рамки, по выражению М. Хальбвакса — опорные базовые социальные воспоминания. «Функционирование индивидуальной памяти невозможно без тех орудий, какими являются слова и идеи, которые индивид не сам изобрел и которые он заимствует из своей социальной среды», — пишет Хальбвакс (цит. по: [Зенкин 2007: 14]). Прилагательные-орудия, с помощью которых актуализируется социальная рамка, можно разделить на несколько семантических классов. Первые три класса объединяет семантика выражаемой с помощью прилагательного прямой или косвенной эмоциональной оценки: эпитет в этом случае функционирует как способ определения десятилетия как отдельного культурно-исторического периода, в большей или меньшей степени связанного с конкретными знаками или символами эпохи и в той или иной степени содержащего встроенную оценку этой эпохи говорящим. К первому классу можно отнести отыменные прилагательные, выражающие прямое указание на наиболее значимое и характерное явление (р е а л и ю) десятилетия: *атеистические двадцатые*, *бандитские девяностые*, *стиляжные пятидесятые*. Заметим при этом, что сам выбор прилагательного в данном случае может заключать в себе оценку, как, например, в случае *бандитских девяностых*. Второй класс включает прилагательные позитивной или негативной о ц е н к и десятилетия — сюда относятся и ставшие штампом *лихие девяностые*, и *страшные тридцатые*, и *славные шестидесятые*, а также метафорические употребления — *золотые пятидесятые*, *подлые тридцатые.* Третий класс — это класс прилагательных, обозначающих исключительность десятилетия (э м ф а з у) в самом общем смысле, такие как *незабвенные*, *незабываемые*, *неповторимые*, *роковые*, *бурные.* В целом классы эмфазы и оценки очень близки, прилагательные обоих классов отражают определенный эмоциональный комплекс, связанный с десятилетием. Разделение на два класса нужно для дальнейшего исследования позитивной/негативной оценки. Поэтому прилагательные, значение которых не связано с оценочной шкалой напрямую, были выделены в отдельный класс эмфазы. Так, несмотря на то что значение прилагательных *бурные* и *роковые*, безусловно, содержит оценочный эмоциональный компонент, его нельзя однозначно классифицировать как положительный или отрицательный, в отличие, например, от прилагательного *страшные*. Эти прилагательные указывают прежде всего на то, что в годы определяемого ими десятилетия происходили значимые неординарные события, существенным образом повлиявшие на последующее развитие общества, во многом определившие то, как потом складывались жизни людей — участников этих событий, и до сих пор остающиеся в памяти говорящего.

Еще два семантических класса включают определения, функция которых состоит не столько в выделении, сколько в референциальной отсылке, связывающей десятилетие либо с пространством, либо с временно́й шкалой в целом. Так, с помощью прилагательных л о к а ц и и выражается связь времени и пространства как единого семантического комплекса: *советские семидесятые*, *американские пятидесятые*, *ленинградские пятидесятые*. Упо-

требление прилагательных *ранний*/*поздний* устанавливает дополнительную временну́ю референцию — и, как будет показано ниже, дает ключ к «наивной хронологии» некоторого общественного консенсуса относительно того, на какие периоды подразделяется советская история. Этот класс значений получил условное название периодизации, и к нему же были отнесены прилагательные с прямой референцией к историческому событию — *послевоенные, застойные* или к российскому правителю этой эпохи — *сталинские*, *ельцинские*.

Наконец, последний выделяемый семантический класс связан с выражением ретроспективного ощущения временно́й дистанции, отделяющей говорящего от указанного периода. Этот класс выражается по преимуществу одним прилагательным *далекие*.

Таким образом, методологически исследование коллективной языковой памяти о советской истории опирается на количественное и качественное сравнение эпитетов, примененных к каждому из десятилетий, начиная с *двадцатых* и кончая *девяностыми.* Далее, во-первых, будет представлено краткое описание подготовки данных и дан обзор финальных количественных параметров для каждого десятилетия. Во-вторых, будут содержательно рассмотрены шесть семантических классов прилагательных, выделенных в рамках конструкции, — оценка, эмфаза, отсылка к реалиям, локализация, периодизация и временна́я дистанция, а также особенности трансформации семантики прилагательных каждого класса в контексте разных десятилетий.

Эпитеты десятилетий: «вершины» и «долины»

Выборка для анализа конструкции эпитетов десятилетий была получена с помощью Национального корпуса русского языка[5]. Запрос включал поиск предложений, содержащих сочетание прилагательного и количественных числительных во множественном числе и в любом (но совпадающем) падеже: *двадцатые*, *тридцатые*, *сороковые*, *пятидесятые*, *шестидесятые*, *семидесятые*, *восьмидесятые*, *девяностые*. Интересно, что из выборки видно, что сама конструкция начала формироваться в конце XIX в.:

> Приснопамятные шестидесятые годы будут еще, вероятно, долго служить предметом самых разнообразных суждений, в числе которых немало будет и решительных осуждений [Н. К. Михайловский. Н. В. Шелгунов (1891)][6].

Наиболее раннее употребления находим у Аполлона Григорьева:

> Пиеса была одна из тех, которые в блаженные тридцатые годы, когда еще свирепствовала новая французская литература, под именем неистовой юной французской словесности, приводили

[5] В исследовании использовался основной корпус НКРЯ по состоянию на сентябрь 2017 г.

[6] Все примеры, а также указания на автора, произведение и дату создания взяты из НКРЯ.

> в ужас раздражительную, как mimosa pudica, нравственность наших критиков даже одним своим названием, действительно нередко затейливым [А. А. Григорьев. Человек будущего (1845)].

Примеров, в котором рядом с числительным десятилетия стоит эпитет или определение, в текстах XIX в. в НКРЯ встретилось всего четыре. В XX в. конструкция постепенно входит обиход. Однако до середины XX в. все примеры на эту конструкцию обязательно включают существительное *годы*. Только начиная с 1970–1980-х годов в обиход входит конструкция из прилагательного и числительного — своего рода «лейбл» десятилетия.

> Василий Дмитриевич по уши хлебнул тех «з о л о т ы х с е м и д е с я т ы х», о которых так любили поговорить в коммуне [Андрей Лазарчук. Там вдали, за рекой… (1986)].

Окончательно конструкция эпитетов десятилетия — прилагательное и порядковое числительное десятилетия без существительного *годы* — формируется в конце 1990-х — начале 2000-х годов. Хотя никаких временны́х ограничивающих рамок поиска конструкции в корпусе не задавалось, диахроническое распределение ее употребления выглядит очень показательно: 15% из всех полученных примеров датируются 1950–1980-ми годами, 18% примеров выборки встретилось в текстах 1990-х годов и 66% было получено из текстов, созданных с 2000 по 2014 г. Этот сдвиг, безусловно, не случаен — завершение XX в., историческое и концептуальное (конец советского периода и перестройки — раннего трансформационного периода) стало толчком для начала коллективной рефлексии и наивной периодизации, нашедшей отражение в языке. Иначе говоря, интерпретация результатов исследования, предложенная ниже, в значительной степени ориентируется на реконструкцию современного комплекса восприятия советской истории.

Полученная выборка была подвергнута ручной очистке от шума — омонимии с другими конструкциями или использования рассматриваемого словосочетания для обозначения, например, географических широт или долей процентов. Принципиально важной для сбора данных является сама идея единичного употребления как кейса апелляции к коллективной памяти. В этом смысле, как уже говорилось выше, даже одно вхождение конструкции оказывается значимым. Но верно и обратное — шумом, с точки зрения задач исследования, являются повторы одного и того же эпитета десятилетия в пределах одного и того же текста. Так, словосочетание *золотые пятидесятые* встречается шесть раз в примерах из «Писем нерожденному сыну» Алексея Слаповского (2009), однако все эти употребления представляют собой один и тот же акт отсылки к коллективной памяти, поэтому в итоговой выборке они были сокращены до одного вхождения.

После очистки данных мы получили 284 предложения, которые на следующем этапе были преобразованы в базу данных. Во-первых, каждому предложению была приписана соответствующая конструкция в нормализованной грамматической форме — именительном падеже. Во-вторых, была размечена референция к веку и отделены те предложения, в которых имеется в виду десятилетие XIX в. Таким образом, была создана систе-

ма фильтров, позволяющая выделить только те употребления конструкции эпитетов десятилетия, которые относятся непосредственно к XX в.[7] Таких конструкций в базе оказалось 242. Далее все прилагательные этих конструкций были отнесены к соответствующим семантическим классам. Сам принцип разделения на классы отражал не только (и не столько) собственное значение прилагательного, сколько то, каким образом выстраивается взаимодействие семантики прилагательного и предполагаемого общего комплекса знаний говорящего и адресата высказывания о событиях истории и культуры, связанных с десятилетием. Выше уже указывалось, что такое взаимодействие может быть связано с эмоциональным выделением десятилетия или же с косвенной референциальной отсылкой к некой значимой точке континуума времени и пространства. Основные типы реализации этих двух видов взаимодействия будут рассмотрены подробно ниже, пока же остановимся в целом на соотношениях частотности конструкции для разных десятилетий.

Всего в базе оказалось 117 уникальных прилагательных. Лишь 33 из них встречаются больше одного раза, и лишь три прилагательных встречаются больше десяти раз — это *далекие* (24 контекста употребления), *ранние* (15 контекстов употребления) и *лихие* (14 контекстов употребления). На первый взгляд, такой результат сложно назвать интересным: все 14 употреблений прилагательного *лихие* относятся к 1990-м годам — конструкция *лихие девяностые*, которая ощущается и употребляется как штамп и как будто бы не говорит нам ничего нового о коллективной памяти. Что нового может сообщить нам частотность прилагательных *далекие* или *ранние?* Во-первых, оказывается, что для интерпретации конструкции с прилагательными *далекие* и *ранние* принципиальным является сравнение количества их употреблений с разными десятилетиями. Во-вторых, как будет показано ниже, словосочетание *лихие девяностые* распространяется не сразу, постепенно вытесняя другие характеристики, относящиеся к этому периоду. Поэтому принципиальным для понимания того, каким образом формировался образ 1990-х годов в общественном сознании, является диахроническое сравнение частотности разных прилагательных, определяющих *девяностые*, с 2000 по 2014 г.[8] Наконец, следует отметить, что если посмотреть на общее число вхождений предложений с конструкциями эпитетов времени в базе данных, то примеры с прилагательными *далекие*, *ранние*, *лихие* составляют от него всего лишь 20%. Выше уже говорилось о том, что для рассматриваемых конструкций оказываются релевантными даже единичные случаи употребления, поскольку каждое такое употребление опирается на существующий мнемонический образ.

Переходя к детальному рассмотрению конструкций имен десятилетия, представляется важным прежде всего дать общий взгляд на содержимое базы. Ниже представлены списки прилагательных для каждого из десятилетий, распределенные между шестью выделенными семантическими классами. Списки содержат только перечисления уникальных прилагательных

[7] Также были изъяты из базы предложения, в которых определения десятилетий эксплицитно отсылают к зарубежной (европейской, американской, китайской) истории.

[8] НКРЯ предоставляет тексты до 2014 г. создания.

без указания на их частотность — эта информация будет представлена чуть позже при рассмотрении отдельных семантических классов, конкретных прилагательных и десятилетий.

20-е

Оценка: *безбедные*, *блаженные*, *голодные*, *грозовые*, *кровавые*, *романтические*, *смутные*, *тяжелые*, *чудные*
Эмфаза: *бурные*, *легендарные*, *незабываемые*, *памятные*
Отсылка к реалиям: *интернациональные*, *комиссарские*, *комсомольские*, *литературные*, *обэриутские*
Периодизация, отсылка к событиям: *переходные*, *пореволюционные*, *ранние*
Отсылка к локусу: –
Дистанция: *далекие*

30-е

Оценка: *героические*, *грозные*, *золотые*, *изумительные*, *лучезарные*, *подлые*, *полуголодные*, *проклятые*, *славные*, *страшные*, *стремительные*, *сумрачные*, *трагические*, *тревожные*, *трудные*
Эмфаза: *незабвенные*, *роковые*
Отсылка к реалиям: *дачные*
Периодизация, отсылка к событиям: *предвоенные*, *ранние*, *сталинские*
Отсылка к локусу: *советские*
Дистанция: *далекие*

40-е

Оценка: *веселые*, *голодные*, *грозные*, *победные*, *стиснуто-сердечные*, *страшные*, *суровые*, *труднейшие*
Эмфаза: *незабываемые*, *роковые*
Отсылка к реалиям: –
Периодизация, отсылка к событиям: *военные*, *послевоенные*, *ранние*, *сталинские*
Отсылка к локусу: –
Дистанция: *далекие*

50-е

Оценка: *блаженные*, *золотые*, *прекрасные*, *сложные*
Эмфаза: –
Отсылка к реалиям: *стиляжные*, *студенческие*, *большевистские*
Периодизация, отсылка к событиям: *поздние*
Отсылка к локусу: *отечественные*
Дистанция: *далекие*, *недавние*

60-е

Оценка: *благословенные*, *звонкие*, *идеальные*, *прекрасные*, *романтические*, *смелые*, *чувственно-романтические*, *воспетые-руганые*, *пытливые*

Эмфаза: *бурные*, *незабвенные*, *незапамятные*
Отсылка к реалиям: *фарцовочные*
Периодизация, отсылка к событиям: *ранние*
Отсылка к локусу: *ленинградские*, *московские*, *советские*
Дистанция: *далекие*

70-е

Оценка: *бесконечные*, *благословенные*, *героические*, *глухие*, *гнусновато-задумчивые*, *голодные*, *зеленые*, *золотые*, *молодые*, *смутные*, *унылые*, *циничные*
Эмфаза: *незабвенные*
Отсылка к реалиям: –
Периодизация, отсылка к событиям: *застойные*, *поздние*
Отсылка к локусу: *советские*
Дистанция: *брадатые*, *грядущие*, *далекие*

80-е

Оценка: *благополучные*, *глухие*, *гнилые*, *лютые*, *тихие*, *тяжелые*
Эмфаза: –
Отсылка к реалиям: –
Периодизация, отсылка к событиям: *поздние*
Отсылка к локусу: *советские*
Дистанция: *далекие*

90-е

Оценка: *благословенные*, *бредовые*, *веселые*, *гибельные*, *дикие*, *звонкие*, *кровавые*, *лихие*, *лихорадочные*, *пестрые*, *плохие*, *позорные*, *проклятые*, *романтические*, *разные*, *сказочные*, *славные*, *сложнейшие*, *сложные*, *смутные*, *странные*, *страшные*, *тревожные*, *трудные*
Эмфаза: *бурные*, *неповторимые*
Отсылка к реалиям: *бандитские*, *криминальные*, *революционные*, *демократические*
Периодизация, отсылка к событиям: *ельцинские*, *поздние*, *раннепостсоветские*
Отсылка к локусу: *столичные*
Дистанция: –

Представленный список демонстрирует разнообразие лексических рядов, связанных с каждым из десятилетий, но не дает представления о простой частотности конструкции, т. е. о значимости разных десятилетий в коллективной памяти. На лепестковой диаграмме (*Рис. 1*) приведены сравнительные данные о количестве встретившихся сочетаний с тем или иным прилагательным для каждого десятилетия. Значения лепестков диаграммы, соответствующие количеству конструкций для каждого десятилетия, соотнесены со средним значением частотности конструкции, равным 28,5.

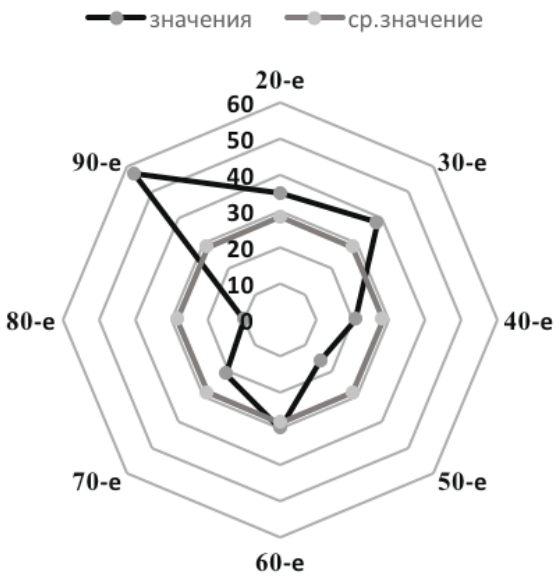

Рис. 1. Частотность конструкции с эпитетом для каждого десятилетия

Те же данные приведены в табличном формате ниже.

Десятилетия	Количество вхождений конструкции
20-е	35
30-е	38
40-е	21
50-е	16
60-е	30
70-е	21
80-е	10
90-е	57

Итак, как видно из диаграммы на *Рис. 1*, десятилетия различаются тем, насколько часто их названия встречаются в конструкции с прилагательным. Интересно, что частотность конструкций не связана с временно́й удаленностью/приближенностью к году создания текста. Так, существенно выше среднего частотность конструкций с *девяностыми* годами: можно предположить, что «выброс» в данном случае связан с активной фазой рефлексии и осмысления социально-исторического слома, которым характеризуется этот период. В то же время частота встретившихся в корпусе конструкций с *двадцатыми* и *тридцатыми* годами также превышает среднее значение.

Заслуживают внимания два десятилетия, упоминания которых в конструкции с эпитетами, напротив, встречаются реже среднего. «Долиной» — отсут-

ствующим в коллективном языковом пространстве десятилетием — являются *восьмидесятые*. В корпусе было найдено всего 10 предложений с прилагательным, характеризующим 1980-е годы. Действительно, это десятилетие является переходным от советской к постсоветской истории, и, по-видимому, в коллективной памяти не формируется целостного образа, связанного с ним. Еще одним таким «тихим» десятилетием являются 1950-е годы. Так же, как и 1980-е, они помещаются между двух эпох: время до смерти Сталина в 1953 г. оказывается неотделимо от предшествующих десятилетий — сталинских 1930-х и 1940-х годов, а период 1950-х после XX съезда в 1956 г. ощущается как начало, преддверие оттепели начала 1960-х.

Тем не менее совсем отсутствующих в «народной хронологии» десятилетий нет. Каждое так или иначе используется в конструкциях с прилагательными разных семантических классов. Процентное распределение конструкций по семантическим классам внутри каждого десятилетия, т. е. вес семантического класса для характеристики десятилетия, также является весьма интересным для интерпретации материалом. Сравнение этих распределений представлено на диаграмме (*Рис. 2*).

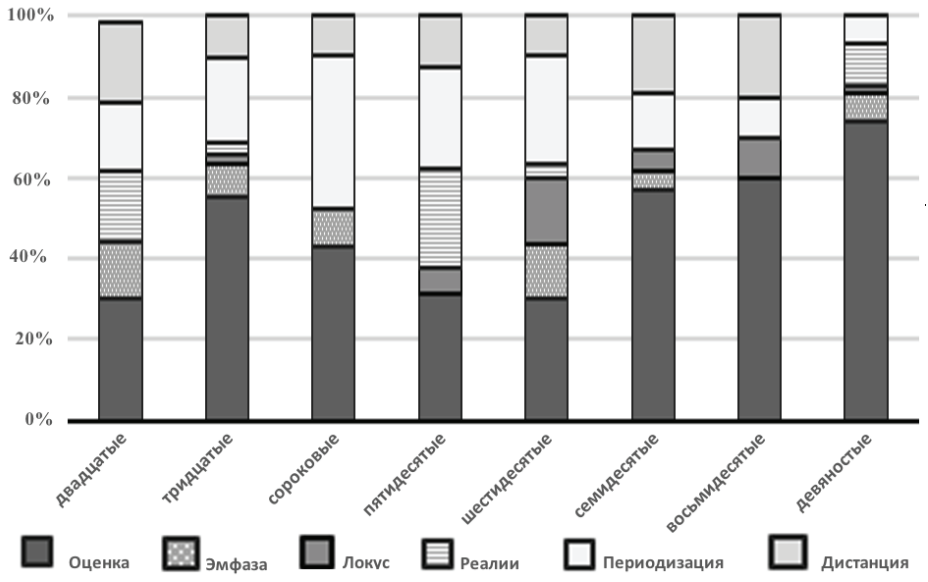

Рис. 2. Частотное распределение конструкций
по семантическим классам для каждого десятилетия

Раскладки штриховки для каждого столбика десятилетия на диаграмме отражают долю прилагательных каждого класса в конструкциях с соответствующим десятилетием. Такое распределение позволяет сделать некоторые общие наблюдения над тем, каким образом коллективные воспоминания о десятилетиях в их языковом выражении различаются между собой. Прилагательные наиболее многочисленного класса оценки присутствуют в конструкциях со всеми десятилетиями, тем не менее их доля не одинакова. Чем чаще прила-

гательные этого класса встречаются в качестве эпитетов десятилетия, тем более эмоционально нагруженным является образ десятилетия в коллективной памяти в целом. Самым мощным (около ⅔ от всех вхождений) является семантический класс оценки, характеризующий 1990-е годы, которые, в свою очередь, как мы видели на *Рис. 1*, являются и самым широко представленным десятилетием в нашей выборке. При этом даже без учета попадающего в этот класс словосочетания *лихие девяностые* разнообразие и частотность прилагательных оценки в конструкции с *девяностыми* остается очень высокой. Интересно, что оценка оказывается важной составляющей и при обозначениях десятилетий, предшествующих 1990-м годам, — 1970-х и 1980-х (однако не забудем, что 1980-е представлены очень слабо): для 1970-х и 1980-х годов семантический класс прилагательных составляет более половины всех вхождений. Эмоционально нагруженным десятилетием являются 1930-е — годы террора (около половины всех вхождений прилагательных в конструкцию), и 1940-е — годы войны (около 40% от всех вхождений). Наконец, как видно из диаграммы (*Рис. 2*), выделяются три десятилетия, в которые оценка не является доминирующей характеристикой и занимает около трети всех вхождений: это 1920-е, 1950-е и 1960-е. Таким образом, выделяются три модели восприятия десятилетий советской истории как ограниченных исторических периодов: сверхэмоциональная модель — 1990-е годы; эмоционально нагруженная модель — годы «травмы» (террор, война) — 1930-е и 1940-е, а также годы последних десятилетий советской истории — 1970-е и 1980-е, и нейтральная модель — 1920-е, 1950-е и 1960-е. Можно предположить, что такое распределение вызвано сочетанием двух факторов. Влияние первого фактора — назовем его фактором дистанцирования — определяет постепенное снижение эмоциональности по мере отдаления десятилетия от сегодняшней (с точки зрения автора текста) временно́й точки и ухода из жизни современников десятилетия. Иначе говоря, для этого фактора важно, является ли память о десятилетии непосредственной памятью тех, кто жил в это время, или же это память, переданная следующим поколениям, пересказанная потомкам. Во втором случае, как представляется, эмоциональное восприятие десятилетия будет снижено, и вместе с ним будет снижаться и количество оценочных прилагательных, выражающих это восприятие. Напомним, что сама конструкция получила широкое распространение только в начале XXI в., и более 80% предложений выборки происходит из текстов 1990–2000-х годов. Так, 1920-е, 1950-е и 1960-е, отнесенные нами к нейтральной модели восприятия, оказываются, с точки зрения этого фактора, практически в равной степени дистанцированы от текущего момента. Это годы, которые помнит только самое старшее поколение наших современников, и память о плохом и хорошем, связанным с этими периодами, постепенно тускнеет вместе с уходом из жизни тех, кто являлся их непосредственными свидетелями. Более близкие к текущему моменту 1970-е и 1980-е соответственно являются и более эмоционально окрашенными, память об этих десятилетиях — это актуальная память наших современников. Восприятие же почти современных, «вчерашних» 1990-х фактически сконцентрировано на их эмоциональной оценке.

В то же время влияние событий 1930-х и 1940-х годов — годов террора и войны — на жизнь нескольких поколений настолько масштабно, что эти десятилетия не подпадают под действие фактора временно́го отдаления. Или,

иначе, можно считать, что для этих десятилетий переданная потомкам память остается столь же эмоционально заряженной. Высокая доля оценочных прилагательных в данном случае показывает, что события этого времени продолжают оставаться не до конца пережитыми современным обществом.

Можно предположить, что сверхэмоциональное восприятие 1990-х возникло благодаря взаимодействию двух этих факторов — с одной стороны, близости к сегодняшнему моменту, а с другой стороны, глобальности эмоционального отклика на события этого времени — отклика, затрудняющего процесс их постепенного проживания и постепенного вытеснения из коллективной памяти.

Рассмотрим, как распределяются внутри каждого десятилетия другие семантические классы прилагательных. Очень интересно распределение класса эмфазы, говорящее нам о том, насколько важна связь десятилетия с прилагательными, выражающими его выделенность из других периодов, уникальность, особенность, значимость для исторического процесса в целом. Как видно из диаграммы (*Рис. 2*), прилагательные этого класса не встречаются в корпусе в контексте двух десятилетий — 1950-х и 1980-х. Это наблюдение хорошо соотносится с данными о сниженной частотности конструкций с названиями этих десятилетий, их условным «выпадением» из коллективной памяти, которое мы видели на *Рис. 1*. Заметим, что иначе ведут себя эмоционально нейтральные 1960-е, которые как раз характеризуются большой долей прилагательных эмфазы. В отличие от соседних 1950-х, 1960-е (*бурные*, *незабываемые*) воспринимаются как особенный период времени, «вершина» временно́го ландшафта.

Интерпретация неравномерной представленности прочих классов — локативов 1960-х, отсылок к реалиям 1920-х, 1950-х и 1990-х, распределение семантических классов периодизации и дистанции требует более близкой оптики, а именно непосредственного разбора семантики прилагательных в составе конструкций эпитетов времени.

Попытка такого разбора будет представлена ниже через последовательное рассмотрение содержательного наполнения каждого класса[9].

[9] По рекомендации анонимного рецензента был сделан запрос, включающий сочетание прилагательного, цифры и последней буквы или нескольких букв падежного окончания, написанные через дефис: *далекие 20-е*, *лихих 90-ых* (sic!). Полученная выборка оказалась сопоставима по размеру с исходной: после фильтрации шума рассматриваемые конструкции встретились в 204 предложениях. Распределение конструкций по частотности для каждого десятилетия оказалось весьма близким в двух выборках. Это хорошее свидетельство того, что мы имеем дело с небольшими, но стабильными и воспроизводимыми данными. Однако в двух случаях результаты буквенного запроса (десятилетие обозначено словом) и запроса с цифрой (десятилетия обозначено цифрой) не совпали. Во-первых, оказалось, что очень по-разному ведут себя *сороковые* и *40-е*: во второй выборке конструкции с *40-ми* встретились всего лишь дважды (1% от общего числа предложений в выборке), в то время как в основной выборке конструкция с *сороковыми* встречается 21 раз, что составляет примерно 9% от всех рассматриваемых в выборке конструкций. По-видимому, в этом случае способ графического написания десятилетия имеет решающее значение. Цифровое написание оказывается «зарезервировано» в восприятии за 1941–1945 гг., годами войны. Использование цифры 40 для обозначения слова, описывающего мнемонический образ десятилетия, затрудняется тем, что сам внешний облик цифры не совпадает с ключевыми датами этого десятилетия, с датами войны, определяющими и структурирующими память об этом десятилетии.

Второе расхождение связано с 1980-ми, которые, напротив, чаще упоминаются в конструкции с прилагательным, будучи написанными с помощью цифр: *80-е* или *1980-е*. В целом конструкции с *восьмидесятыми* составляют 4% от первой выборки, тогда как конструкции с (*19*)*80-ми* — 8% от второй выборки. При этом в конструкциях с (*19*)*80-ми* встречается

Семантические классы конструкций: оценка — от авторской метафоры к навязчивому штампу

Наиболее многочисленным семантическим классом являются прилагательные, выражающие оценку, положительную или отрицательную. Авторская оценка апеллирует к эмоциональному пласту коллективной памяти, к общему переживанию: выбирая оценочное прилагательное, говорящий исходит из презумпции того, что события указанного десятилетия, которое определяется с помощью прилагательного, вызывают у адресатов высказывания близкие эмоции — ностальгию при положительной оценке или же травму при отрицательной. Оценка может выражаться прямо с помощью оценочного прилагательного:

> Ты помнишь прекрасные шестидесятые годы, названные Эренбургом «оттепелью»? [Валерий Сердюченко. Без прикрас (2003) // Интернет-альманах «Лебедь», 2003.05.19].

или же кодироваться более сложно, например, с помощью метафорического сдвига:

> В гнусновато-задумчивые семидесятые редакцию называли островом, на котором сохранились человеческие отношения и желание всех делать общее дело [Журналу «Знание — сила» 80 лет // «Знание — сила», 2006].

> В голодные двадцатые годы приехавшему в Москву Морану в доме Маяковского и Бриков всегда подавали тарелку щей (хлебосольство было у ЛЮ в крови) [Василий Катанян. Лиля Брик. Жизнь (1999)].

Классификация по «тональности» оценки, т. е. по тому, является ли оценка, которую с помощью прилагательного автор дает десятилетию, позитивной или негативной, оказывается не вполне тривиальна. Иногда использование конструкции с эпитетом представляет собой сложный риторический оборот, в котором выбор прилагательного является отсылкой к определенной общественной позиции, от которой, напротив, дистанцируется автор высказывания. В таких случаях конструкция апеллирует не к коллективной памяти, а к высказываниям, относящимся к коллективной памяти, многократно в том или ином виде повторенным ранее. Приведем несколько примеров. Внутренняя полемика автора с распространенным образом десятилетия в коллективной памяти может иметь разную степень остроты, от выражения мягкого несогласия с общепризнанной оценкой:

меньше уникальных прилагательных, в том числе практически не встречаются эмоционально окрашенные прилагательные. Основными конструкциями являются конструкции с прилагательным дистанции *далекие* и с прилагательными временно́й референции *ранние* и *поздние*, которые соотносятся с периодом позднего СССР до 1985 г. (*ранние*) и с периодом начала перестройки (*поздние*). Интересно, что цифровое обозначение оказывается способом более точной временно́й референции, и в то же время оно в меньшей степени, чем слово *восьмидесятые*, связано с образом десятилетия в целом.

> Вообще это десятилетие, эти г н и л ы е в о с ь м и д е с я т ы е, принято сейчас только ругать, но я не могу присоединиться к общему мнению — не могу потому хотя бы, что мы с Тамарой прожили эти годы в любви и согласии [Олег Зайончковский. Счастье возможно: роман нашего времени (2008)].

до жесткого противопоставления, когда суть высказывания является антитезой к оценке, выражаемой с помощью конструкции:

> В полном согласии приняли установку на безжалостность, бесчеловечность, и в начале « л у ч е з а р н ы х » т р и д ц а т ы х, вспоминаемых автором, как сон золотой, вовсю уже, как известно, кипела работа по уничтожению вражьего семени [Н. В. Кожевникова. Сосед по Лаврухе (2003)].

В приведенном примере интересна функция кавычек, которые являются одновременно и знаком цитирования, и знаком неприятия оценки, выражаемой с помощью прилагательного, и знаком дистанцирования от идеологически чужого стиля [Зализняк 2007]. Проблема полемики с чужой памятью, с неточным или даже неприемлемым мнемоническим образом, выражаемым с помощью рассматриваемой конструкции, тесно связана с более общей проблемой формирования штампов — многократного повторения одной и той же конструкции в разных текстах и высказываниях. Самым ярким примером такого штампа, конечно же, является словосочетание *лихие девяностые*. Интересно, что лишь в 4 из 14 примеров, полученных в выборке, словосочетание *лихие девяностые* употреблено без кавычек. Многократно повторенное, это выражение теряет свою функцию отсылки к коллективной памяти и начинает работать иным образом, являясь отсылкой к множеству контекстов его предшествующего употребления. Можно сказать, что происходит лексикализация (фразеологизация) этого оборота, направленная на выхолащивание непосредственного, прямого значения прилагательного. Так, в примере ниже функция сочетания *лихие девяностые* (употребленного без кавычек) состоит уже не столько в оценке временно́го периода, сколько просто в указании на него:

> В л и х и е д е в я н о с т ы е вплотную занялся любимым делом — поиском и дешифровкой древнерусских надписей [Вадим Эрлихман. Микроскопом по истории // «Родина», 2008].

Лексикализация выражения *лихие девяностые* оказывается еще более заметной при анализе выборки предложений с той же конструкцией не из основного корпуса НКРЯ, а из его газетного подкорпуса, в котором собраны тексты из прессы 2000–2014 гг. Те же самые запросы к газетному корпусу дают принципиально иные результаты. Среднее количество предложений с конструкцией для всех десятилетий, кроме *девяностых*, — 8,5 раз, это меньше самой малочисленной группы конструкций с *восьмидесятыми*, найденных в основном корпусе (10 раз). В то же время конструкция с прилагательным и *девяностыми* была обнаружена 117 раз, из них 65 раз было употреблено прилагательное *лихие*. В итоге около половины всей выборки (124 предложения,

или 51%) составляют конструкции с *двадцатыми — восьмидесятыми*, 30% выборки составляют *лихие девяностые* и 20% — другие прилагательные с *девяностыми*. Такое распределение, кардинальным образом отличающееся от результатов, полученных на материале основного корпуса, в котором соблюдается жанровый баланс между прессой, публицистикой и художественной литературой, свидетельствует о том, что лексикализация/фразеологизация *лихих девяностых* послужила механизмом формирования образа 1990-х годов в коллективной памяти, прежде всего с помощью многократного повторения этого словосочетания в прессе. Интересно, что благодаря данным НКРЯ несложно проследить хронологию распространения этого штампа.

На *Рис. 3* показано диахроническое распределение двух выборок — одной со словосочетанием *лихие девяностые*, второй — со всеми другими прилагательными, определяющими *девяностые*.

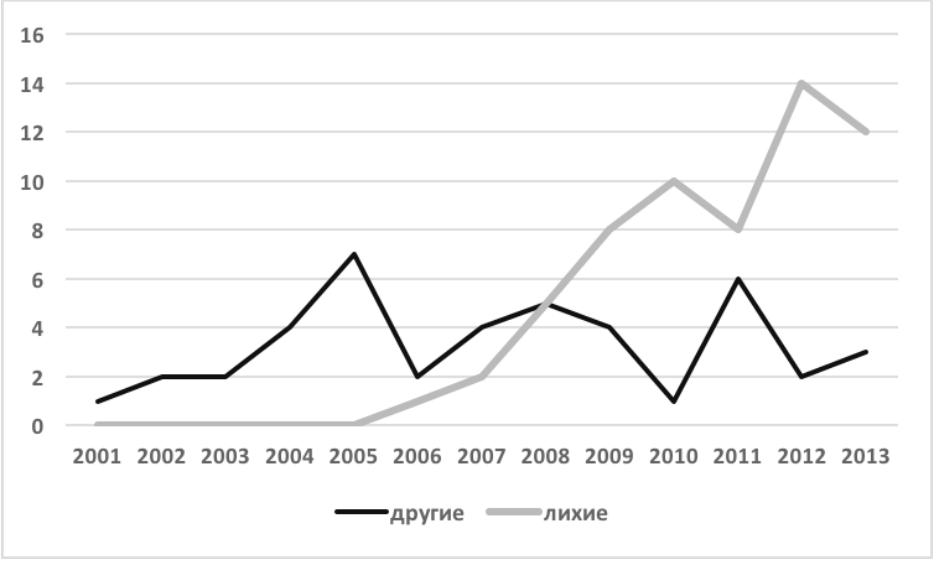

Рис. 3. Сравнение частотностей сочетания прилагательного *лихие* и всех других прилагательных с *девяностыми* в газетном корпусе НКРЯ

Мы видим, что выражение *лихие девяностые* начинает употребляться в прессе в середине 2000-х годов, и далее, примерно с 2008 г., наблюдается его резкая экспансия с пиком частотности в постпротестном 2012 г. В то же время частотность употребления всех остальных прилагательных (а к ним относятся не только прилагательные оценки, но и прилагательные, входящие в семантические классы эмфазы — *бурные*, периодизации — *ельцинские* и отсылки к реалиям — *демократические*, *бандитские* и т. п.) колеблется в диапазоне между 2–8 конструкциями в год, не обнаруживая ясно выраженного тренда. Таким образом, словосочетание *лихие девяностые* входит в язык достаточно недавно, с одной стороны, вытесняя более образные и эмоционально нагруженные прилагательные оценки (*кровавые*, *злополучные*, *дурные*), но, с другой стороны, и «регламентируя» основной

способ отсылки к этому десятилетию. Конструкция начинает работать противоположным образом: вместо актуализации памяти с помощью семантически нагруженного прилагательного она подменяет собой коллективную память, предлагая уже готовую языковую модель. Интересно, что в газетном корпусе обнаруживается и отсутствующая в основном корпусе конструкция с *нулевыми* (т. е. 2000-ми) годами — *сытные нулевые*, *стабильные нулевые*, *тучные нулевые*, возникающая в 2011 г. и, как правило, используемая в качестве антитезы к *лихим девяностым*[10].

Возвращаясь к выборке, полученной из основного корпуса, рассмотрим, как распределяются для каждого десятилетия прилагательные положительной и отрицательной оценки. Такой анализ даст нам возможность сравнить эмоциональный ореол десятилетий. Как уже было сказано выше, сложность классификации прилагательных состоит в том, как определить знак оценки (положительный или отрицательный) прилагательных в кавычках — таких как *«лучезарные тридцатые»*, в которых прилагательное, по мысли автора, на самом деле несет противоположный смысл. Было принято решение не учитывать кавычки, поскольку, во-первых, сам факт цитирования говорит о том, что такая конструкция существует и, соответственно, существует некоторая социальная группа, разделяющая оценку, выражаемую прилагательным. Кроме того, как уже говорилось, сам факт цитирования не всегда выражает неприятие или полемику с выражением в кавычках, и корректная интерпретация авторского замысла в разных случаях потребовала бы несоразмерного усложнения классификации.

На *Рис. 4* представлена диаграмма, отражающая количество положительных и отрицательных прилагательных оценки, встретившихся для каждого десятилетия, нормированное относительно общего числа конструкций для этого десятилетия.

Негативный ореол 1990-х годов, резко противопоставляющий это десятилетие всем остальным, согласуется с особенностью, связанной с этим десятилетием, которую мы видели выше: доля прилагательных семантического класса оценки составляет около 75% всех вхождений конструкции с прилагательным и *девяностыми* в исследуемой выборке. Тем не менее заметим, что если вычесть из общего количества прилагательных оценки 14 встретившихся словосочетаний *лихие девяностые* (штампов, а не прямых оценок), то нормированное значение негативных оценочных прилагательных *девяностых* будет меньше негативной полярности других десятилетий — *восьмидесятых*, *семидесятых*, *тридцатых*, *сороковых*.

[10] Поиск в основном и газетном корпусах числительного 2000-е в цифровой записи, предложенный анонимным рецензентом, дает дополнительный список прилагательных: *консервативные*, *сытые* — в основном корпусе, *гламурные*, *скопидомные*, *путинские*, *подлые*, *богатые*, *неясные*, *жестокие*, *«сытые»*, *«тучные»* и даже *лихие* — в газетном. Характерно, что все прилагательные, кроме *путинские*, относятся к классу оценки. Можно предположить, что вход конструкции в медиадискурс, произошедший вместе с образованием лексического штампа *лихие девяностые*, расширил и область ее семантики, включив возможность референции конструкции к условному общественному мнению.

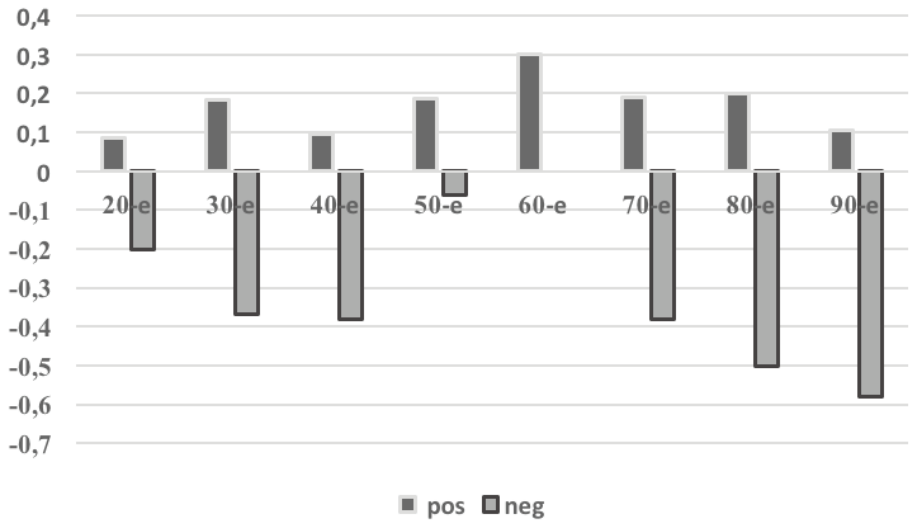

Рис. 4. Сравнение количества конструкций позитивной и негативной оценки

Среди десятилетий XX в., или, точнее сказать, их конструктов коллективной памяти, проявляющихся в языке, выделяется середина столетия — *пятидесятые* и *шестидесятые*. Они отличаются от прочих десятилетий тем, что позитивные оценочные прилагательные встречаются с ними чаще негативных, или, как в случае *шестидесятых*, не встречаются вовсе. 1960-е воспринимаются как единственное десятилетие «без антирейтинга» — *благословенные*, *звонкие*, *идеальные*, *прекрасные*, *романтические*, *смелые*, *чувственно-романтические*, *воспетые-руганые*, *пытливые* — и в этом смысле являются уникальным десятилетием в наивной хронологии советского периода.

Безусловно, прилагательные негативного ряда, используемые для разных десятилетий, различаются. Фактически есть два регистра оценки — назовем их высоким и низким — особенно явно выраженные именно в отрицательной полярности.

Оценка высокого регистра со знаком минус выражает значение общего испытания, через которое прошла в те годы вся нация в целом. Таким образом, оценка высокого регистра отсылает к надындивидуальному, общенациональному опыту, она не содержит скрытого противопоставления различных социальных групп, претендуя на универсальность выражаемой эмоции, с которой солидаризируется говорящий. Такие прилагательные превалируют в характеристиках десятилетий первой половины XX в.: 1920-х (*голодные*, *грозовые*, *кровавые*, *смутные*, *тяжелые*), 1930-х (*грозные*, *полуголодные*, *страшные*, *сумрачные*, *трагические*, *проклятые*, *тревожные*, *трудные*) и, конечно, 1940-х (*голодные*, *грозные*, *страшные*, *суровые*, *труднейшие*). Семантическим инвариантом прилагательных этого ряда является идея внешнего воздействия, которое испытывается, претерпевается всеми современниками: «в это время всем было *страшно* (*голодно*, *трудно*, *тяжело*), все столкнулись с *трагедией* (*сумраком*, *смутой*, *кровью*), с *суровыми* (*грозными*, *грозовыми*, *лютыми*) жизненными обстоятельствами».

Ко второму — сниженному — регистру можно отнести оценки, отсылающие к инвидидуализированным воспоминаниям и переживаниям, к частной памяти. Такие прилагательные чаще встречаются с десятилетиями второй половины века — 1970-ми (*глухие*, *гнусновато-задумчивые*, *унылые*, *циничные*) и 1980-ми (*глухие*, *гнилые*). Эти прилагательные связывает идея обобщения поведенческих практик, характерных для десятилетия, от которых отталкивается, дистанцируется говорящий: «в это время люди вели себя *цинично,* люди были *глухие* (*унылые*, *гнилые*, *гнусноватые*)». Интересно, что одно из прилагательных этого ряда встретилось и в описании 1930-х годов — *подлые тридцатые*, т. е. такое время, когда люди вели себя *подло*.

Возвращаясь к 1990-м, мы видим, что в их оценочном отрицательном ряде широко представлены оба этих регистра: *девяностые* воспринимаются как годы, когда всем было *трудно*, *тяжело*, *сложно*; это *проклятое*, *гибельное* время для всех, но вместе с тем это время *странных*, *бредовых*, *диких* и, конечно же, *лихих* людей. Иначе говоря, память о 1990-х объединяет память о национальном испытании вместе с обобщенным образом смещенных поведенческих практик. Интересно, что именно второй компонент этого конструкта в итоге становится доминирующим штампом. Прилагательные высокого регистра ставят 1990-е в один ряд с 1940-ми и 1930-ми и несут в себе идею общенационального единения. Это прилагательные, выражающие эмоциональную солидарность. Прилагательное *лихие*, напротив, разделяет социум на людей, собственно, *лихих* и остальных. Как и другие прилагательные нижнего регистра, оно выражает эмоциональную дистанцию от образа десятилетия. Утвердившись в качестве устойчивого словосочетания, выражение *лихие девяностые* теряет свою исходную семантику отсылки к определенным жизненным практикам, происходит процесс, который лингвисты называют выветриванием лексического значения. Но при этом импликация эмоциональной дистанции говорящего сохраняется. Прямым следствием вмененной дистанции является выталкивание из речевой практики сочетаний *девяностых* с прилагательными положительной оценки. Происходит своего рода экстраполяция: положительный образ 1990-х, конструируемый говорящим, как бы сразу переводит последнего в разряд *лихих* людей, творивших нехорошие дела в это время. Действительно, самая поздняя из найденных в корпусе конструкций, включающих *девяностые* и прилагательное позитивной оценки — *звонкие девяностые*, — датируется 2010 г., т. е. ровно тем временем, когда употребление выражения *лихие девяностые* проходит свой первый пик.

Данных НКРЯ недостаточно для суждения о том, насколько резкий взлет частотности словосочетания *лихие девяностые* в 2010-е гг. является преднамеренной языковой манипуляцией. В данном случае мы можем ограничиться наблюдением процесса того, как стремительный рост частотности использования одного прилагательного, определяющего десятилетие, начинает конструировать коллективную память об этом десятилетии. Заметим также, что аналогов этого явления мы не находим с другими прилагательными и десятилетиями.

Рассмотренный выше семантический класс прилагательных оценки является самым многочисленным и разнообразным по своему составу и наиболее доступным для интерпретации: прилагательные воспроизводят эмоциональный пласт коллективных воспоминаний о десятилетиях. Функционирование

других семантических классов прилагательных устроено более сложным образом, однако, как будет показано ниже, каждый из этих классов выделяет свои «вершины», т. е. десятилетия, для которых выстраиваемый с помощью прилагательных ассоциативный ряд оказывается наиболее актуальным. Фактически можно говорить о сложном мнемоническом ландшафте, выстраиваемом с помощью прилагательных разной семантической принадлежности.

Дистанция и эмфаза: *далекие* и *незабываемые* годы

От семантического класса оценки, включающего 115 уникальных прилагательных, обратимся к двум другим, более малочисленным семантическим классам прилагательных.

Семантический класс дистанции состоит из единственного прилагательного *далекие*. Это прилагательное отличается от всех остальных, в его значение входит на самом деле указание на два периода времени — того, который вводится с помощью определяемого слова (названия десятилетия), и точки отсчета, задаваемой текущим временем говорящего. Прилагательное определяет субъективное соотношение между двумя этими периодами. Именно поэтому это прилагательное было выделено в отдельный класс.

Казалось бы, с употреблением прилагательного *далекие* все должно быть предельно просто — чем дальше десятилетие отстоит от 2000-х годов (основного времени распространения конструкции), тем чаще оно должно встречаться. Постепенно частотность конструкции с прилагательным *далекие* должна уменьшаться и доходить до нуля в контексте с «недавними» *девяностыми*. Однако это предположение не подтверждается в точности, как можно видеть из диаграммы (*Рис. 5*), на которой представлено сравнение нормализованных частотностей конструкции семантического класса дистанции для каждого десятилетия.

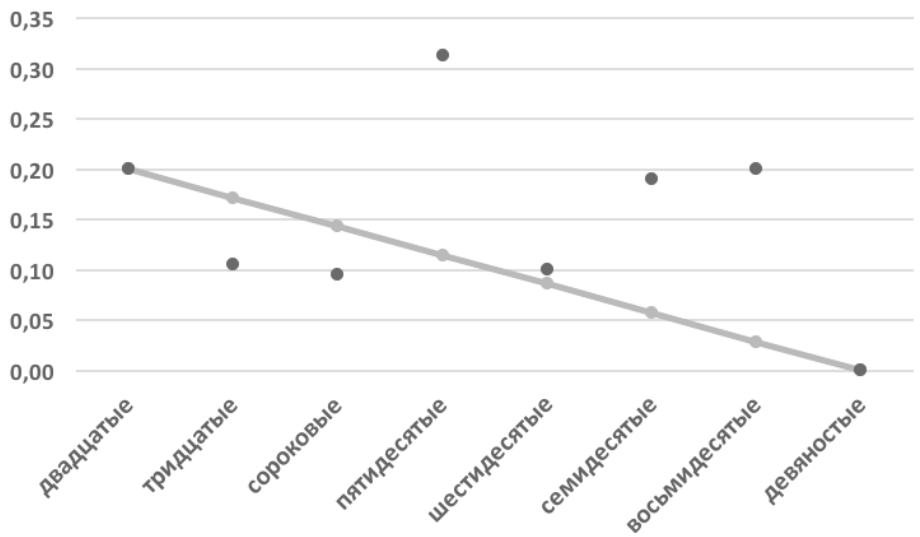

Рис. 5. Сравнение частотности прилагательного *далекие* в конструкциях с разными десятилетиями

На диаграмме отмечена пунктирной прямой воображаемая линия, которая связывает самое далекое десятилетие (1920-е) с самым близким (1990-е). Если мы исходим из того, что чем дальше от времени создания текста отстоит десятилетие, тем чаще оно должно употребляться с прилагательным *далекие*, то линия примерно показывает ожидаемую частотность этого прилагательного для каждого десятилетия. Однако точки на графике отражают реальную частотность прилагательного *далекие*, и мы видим, что это распределение устроено иначе. По сути, только дистанция 1960-х годов согласуется с ожидаемой. 1950-е, 1970-е, 1980-е оказываются «более *далекими*», а 1930-е и 1940-е, наоборот, «менее *далекими*». Таким образом, это прилагательное указывает нам не столько на временну́ю дистанцию, сколько на ментальную дистанцию, на доступность десятилетия для вспоминания.

То, что 1930-е и 1940-е — самые страшные годы в советской истории — оказываются более близкими, не случайно. Это говорит о том, что память об этом времени остается травматичной, события, происходившие тогда, оказываются значимыми до сих пор, и ментальная дистанция с этими десятилетиями меньше реальной временно́й. Совершенно иную картину мы видим с годами второй половины XX в. Они фактически начинают отсчет дистанции заново, с другой точки. И удаленность этих десятилетий (кроме 1960-х) оказывается существенно больше ожидаемой.

То, что ощущение временно́й дистанции зависит не от того, сколько времени прошло, а от того, насколько сильна память об этих десятилетиях по сравнению с другими, подтверждается и распределением семантического класса эмфазы. К классу эмфазы были отнесены прилагательные, семантика которых связана с определением десятилетия как особенного, выделяющегося из череды других лет. Такие прилагательные, так же как и оценочные, выражают эмоциональную оценку, которая, однако, не связывается напрямую с ценностной шкалой, но является более общим указанием на значимость некоторого периода для коллективной памяти, на уникальность событий, составляющих суть десятилетия, на фоне остального исторического периода. К прилагательным эмфазы были отнесены связанные с памятью — *незабвенные*, *незабываемые*, *памятные*, *незапамятные*, а также прилагательные, выражающие значения исключительности происходивших в указываемое время событий, — *бурные*, *легендарные*, *неповторимые*, *роковые.*

На диаграмме (*Рис. 6*) показаны два графика, отражающих нормированные на общее количество вхождений два семантических класса прилагательных — эмфазы и дистанции — в контексте всех десятилетий.

Мы видим, что десятилетия делятся на две категории — памятные, ментально приближенные (1930-е, 1940-е, 1960-е) и «выпадающие» из коллективной памяти, ментально далекие (1950-е, 1970-е и 1980-е). Заметим, что в целом эти десятилетия (особенно 1950-е и 1980-е) упоминаются реже других в конструкциях с любыми прилагательными. Иначе говоря, они оказываются в меньшей степени связаны с коллективной памятью, со значимыми воспоминаниями, общими для поколений современников, или с воспоминаниями, переданными потомкам. Эти десятилетия постепенно перестают быть мнемоническим конструктом, само указание на который способно активировать память о событиях этого времени. При этом, как мы видели выше на *Рис. 2*, и

семидесятые, и *восьмидесятые*, в отличие от *пятидесятых*, имеют большую долю оценочных прилагательных, т. е. они по-прежнему остаются доступными для эмоционального восприятия. Таким образом, последние десятилетия советской эпохи предстают одновременно и далекими, и близкими. С точки зрения реальной хронологии, они были недавно, их помнят, и они вызывают эмоциональный отклик. С точки зрения мнемонической хронологии — хронологии, восстанавливаемой в коллективной памяти, — это уходящие, далекие десятилетия.

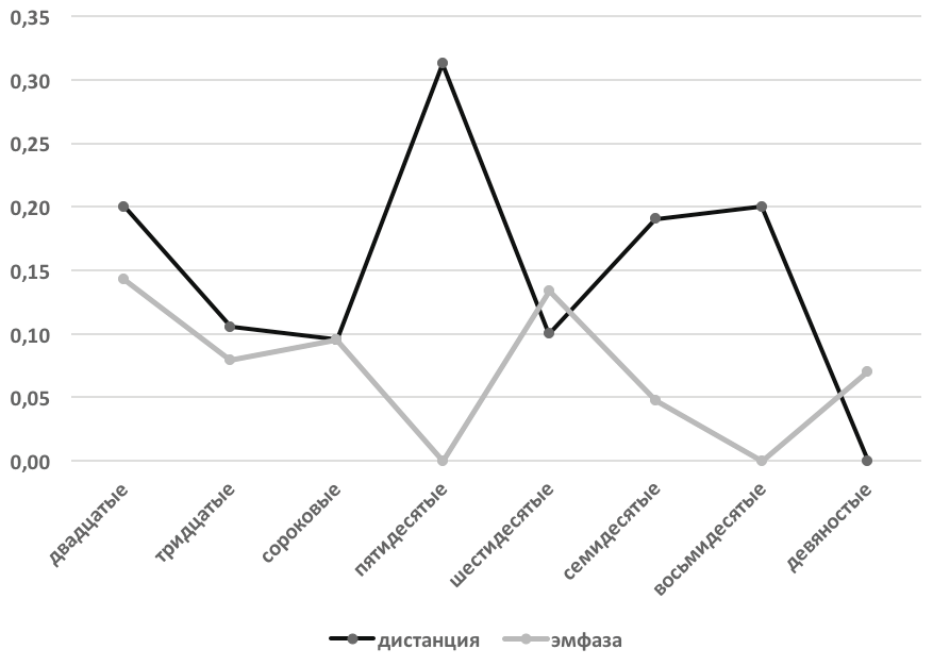

Рис. 6. Распределение прилагательных двух семантических классов (дистанции и эмфазы) в конструкциях с десятилетиями

Особенно интересно то, что из этого ряда «спокойных десятилетий» выбиваются 1960-е. Не связанное ни с каким травматическим опытом (ср. отсутствие конструкций с оценочными прилагательными негативной семантики), это десятилетие, тем не менее, оказывается эмоционально более выделенным; единственным десятилетием, которое сохраняется в коллективной памяти со знаком плюс; десятилетием, временна́я удаленность которого согласуется с ментальной.

Таким образом, с помощью прилагательных семантических классов дистанции и эмфазы удается увидеть хронологический ландшафт, существующий в коллективной памяти и отраженный через языковую конструкцию. Прилагательные семантического класса периодизации, как будет показано ниже, делают этот ландшафт еще сложнее.

Периодизация: *ранние* и *поздние* годы

Был выделен класс прилагательных, значения которых связаны с заданием уточнения временно́й отсылки, выражаемой с помощью указания на десятилетие. Это, во-первых, прилагательные прямой отсылки, семантика которых связана с определенным событием или с уже имеющимся названием периода (*предвоенные тридцатые*, *послевоенные сороковые*, *застойные семидесятые*), или с именем советского/российского правителя этого периода (*сталинские тридцатые*, *ельцинские девяностые*). В то же время сравнительно частотными оказываются два прилагательных — *ранние* и *поздние*, семантика которых связана с дополнительным временны́м ограничением — *ранними* годами называется первая половина десятилетия, *поздними* — вторая.

Замечательным образом распределение прилагательных *ранние* и *поздние* оказывается также весьма неравномерным. В целом можно сказать, что с помощью этих прилагательных выделяются такие временны́е периоды, которые, с одной стороны, не имеют специального названия (например, «война» или «перестройка»), а с другой стороны, тем не менее, обозначают некоторый цельный конструкт — образ времени, имеющийся в памяти. На диаграмме (*Рис. 7*) показано, как разные десятилетия сочетаются с прилагательными периодизации *ранний* и *поздний* (частотность нормирована по общему количеству упоминаний десятилетия в составе конструкции). Мы видим, что не находится ни одного десятилетия, которое бы равномерно делилось на *ранние* и *поздние* годы.

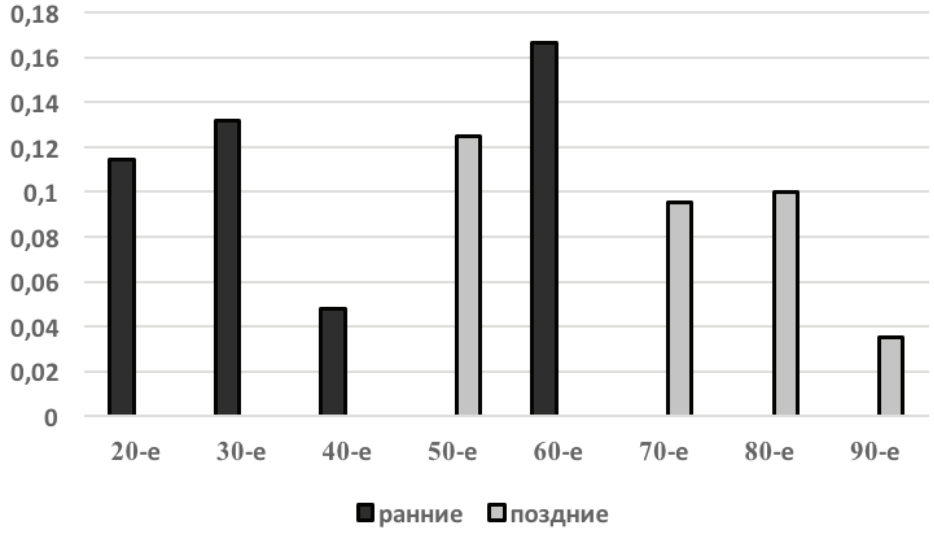

Рис. 7. Распределение прилагательных *ранние* и *поздние* в конструкциях с десятилетиями

Наиболее удивительным на этой диаграмме выглядит сочетание *ранние сороковые*, которое интуитивно кажется неестественным. *Ранние сороковые* — это только война, и иная периодизация представляется избыточной. Ответ содер-

жится собственно в источнике предложения с этой конструкцией — аксеновском «Острове Крыме». Эта конструкция используется как специальный художественный прием — знак альтернативной истории, в которой войны не было:

> Когда-то был ведь заштатный городишко, лежащий на унылых серых холмах, но после экономического бума р а н н и х с о р о к о в ы х Городская Управа объявила Симферополь полем соревнования самых смелых архитекторов мира, и вот теперь столица Крыма может поразить любое туристское воображение [Василий Аксенов. Остров Крым (авторская редакция) (1977–1979)].

Основная идея выделения *ранних* и *поздних* лет определенных десятилетий, т. е., по сути, дополнительная периодизация, состоит в том, что эти временны́е периоды осознаются как значимые, имеющие свое место в исторической памяти. Их значимость состоит в том, что они предшествуют: *ранние двадцатые* — годы нэпа, годы до начала укрепления личной власти Сталина, индустриализации и коллективизации, *ранние тридцатые* — годы, предшествующие террору (фактически — годы до 1937-го), *поздние пятидесятые* — годы после смерти Сталина. Иначе говоря, сохраняющуюся память об этих периодах можно было бы описать с помощью отрицания — *двадцатые* ***не*** *индустриализации*, *тридцатые* ***не*** *террора*, *пятидесятые* ***не*** *сталинские.* В этом смысле интересно появление *поздних девяностых*, по-видимому, противопоставленных «основным девяностым» — времени после «хаоса» и «развала». Ср. например, следующую цитату о «стиле жизни» *поздних девяностых*:

> Время сделало со стилем жизни п о з д н и х д е в я н о с т ы х то, чего не сумел сделать с этим стилем Сорокин — превосходный деконструктор и практически никакой конструктор [Дмитрий Быков. Кинообозрение Дмитрия Быкова // «Новый Мир», 2001].

Другими словами, в основе противопоставления словосочетания *поздние девяностые* «основным (лихим?) девяностым» лежит идея того, что жизнь постепенно обретает условные упорядоченность и благополучие.

С *поздними девяностыми* рифмуются *поздние восьмидесятые* как время, предвосхищающее 1990-е, но относящееся еще к советской истории:

> В п о з д н и е в о с ь м и д е с я т ы е журнал впервые позволил себе заняться экономикой и опубликовал многих будущих знаменитостей, героев перестройки, авторов реформ, их сторонников и оппонентов — прежде, чем они стали знамениты [Журналу «Знание — сила» 80 лет // «Знание — сила», 2006].

Значение предшествования историческому периоду есть и у *поздних семидесятых*. Так, из цитаты ниже ясно, что речь могла идти не только о конце 1970-х годов, но и о 1980-х до перестройки:

> Сегодня уже нашлись этнографы, описавшие ритуалы жизни п о з д н и х с е м и д е с я т ы х, когда обряды свадеб и похорон отодвинул

> один-единственный — проводов, праздник рыданий остающейся родни, последних судорожных адюльтеров в ванной, аукционов не принятых на таможне вещей и радостных прощаний с друзьями невесть на какой срок до встречи неведомо где [Николай Климонтович. Дорога в Рим (1991–1994)].

Застой оказывается слишком широким и неопределенным, отчасти экономическим термином. *Поздние семидесятые* сохраняют более дробную периодизацию — «поздний застой», годы, завершающие период советского безвременья, предшествующие концу советской истории. Это предположение хорошо согласуется с «выпадением» *восьмидесятых*, о котором говорилось выше. 1980-е годы практически не существуют в коллективной памяти как десятилетие, период до прихода Горбачева фактически «приклеивается» к поздним 1970-м, а годы перестройки оказываются слишком тесно связаны с 1990-ми.

Наконец, обратимся к 1960-м годам, которые и тут представляют собой особый случай. Период *ранних шестидесятых*, по-видимому, сопряжен с периодом правления Хрущева до его снятия в 1964 г. В данном случае это выражение употребляется непосредственно как синоним «оттепели», обозначая ограниченный, но цельный культурно-исторический период[11]. Выше мы уже видели, что *шестидесятые* — единственное десятилетие, с которым не связаны отрицательные коннотации. Конструкция *ранние шестидесятые* служит, таким образом, способом более точной референции к лучшему временно́му отрезку советской хронологии, сохранившемуся в коллективной памяти.

Локус и реалии как способы вспомнить

Прилагательные этого класса объединяет то, что в лингвистике называется лексико-грамматическим разрядом. Это относительные прилагательные, т. е. такие, которые обозначают признак, который нельзя иметь в большей или меньшей степени. Это свойство отличает их от прилагательных всех семантических классов, рассмотренных выше, и, несомненно, определяет их семантическую модификацию в рамках анализируемой конструкции.

Прилагательные, характеризующие десятилетие с помощью значимого явления, связываемого с этим временем, в отличие от оценочных (качественных) прилагательных, являются не отсылкой к общему воспоминанию, но средством напоминания. Они фокусируют внимание реципиента — читателя — на некоторой реалии времени, которая иначе оказывается не вполне очевидной и актуализированной. Их распределение замечательно согласуется с семантическим классом дистанции. Наибольшую частотность употребления этой конструкции имеют два самых мнемонически далеких десятилетия — 1920-е (*интернациональные*, *комиссарские*, *комсомольские*, *литературные*, *обэриутские*, *атеистические*) и 1950-е (*стиляжные*, *студенческие*, *большевистские*). При этом, разумеется, сам выбор относительного прилагательного не случаен и содержит в себе скрытую оценку.

[11] Например, как показано в исследовании [Вайль, Генис 2013], посвященном более длительному периоду, с 1961 по 1968 г. — год ввода войск в Чехословакию, все наиболее значимые социокультурные явления связаны именно с первой половиной 1960-х годов.

> В комиссарских двадцатых ностальгирующая московская интеллигенция вспоминала гимназисток, напиток бенедиктин, филипповские булки и дворников, лихо опрокидывавших рюмочку, поднесенную на серебре [Рустам Арифджанов. Случаи разбавления пива водой (1997) // «Столица», 1997.11.24].

Поэтому прилагательные этого класса часто употребляются вместе с оценочным прилагательным, как в цитате, приведенной ниже:

> Товарищ Ситный напялил китайскую шляпу из рисовой соломки, раритет золотых большевистских пятидесятых, и отправился по соседству в небоскреб «Опера-хаус», где на двадцать восьмом этаже в пятимиллионном пентхаусе нынче обитал бывший коллега из отдела особых поручений, генерал-майор Завхозов, ныне президент крупнейшего российского концерна «Виадук» [Василий Аксенов. Новый сладостный стиль (2005)].

И для *двадцатых*, и для *пятидесятых* годов доля относительных прилагательных сопоставима с долей оценочных прилагательных. По сути, прилагательные, указывающие на реалии, дополняют собой оценочные прилагательные. Прямая оценка требует общности воспоминаний говорящего и реципиента, тогда как косвенная оценка, имплицируемая с помощью выбора того или иного относительного прилагательного, моделирует эту общность, как бы подсказывая реципиенту, с чем было связано это время.

Кроме *двадцатых* и *пятидесятых*, относительные прилагательные встречаются в сочетании с *девяностыми*, однако эти прилагательные можно считать относительными только с грамматической точки зрения, но не с семантической. Фактически они функционируют как прилагательные оценки — *бандитские*, *криминальные*, *воровские*. Можно предположить, что в данном случае мы имеем дело с обратным эффектом: 1990-е годы оказываются слишком близкими, и поэтому общность воспоминаний, так же как и в случае с «далекими» десятилетиями, нуждается в конструировании, но не в ретроспективном — в восполнении уходящей памяти, как в случае с 1920-ми и 1950-ми, а в проспективном, формирующем определенный мнемонический конструкт. Заметим, что и прилагательное *лихие*, которое в итоге стало доминирующим штампом, вытесняющим все прочие ассоциации с этим десятилетием, стоит в том же смысловом ряду, отсылая к *лихим людям*, т. е. разбойникам.

Все локативные прилагательные, встречающиеся в конструкции с десятилетиями, содержат идею ограничения и противопоставленности ограниченного ими времени и пространства иным временам или пространствам. Часть предложений с прилагательными пространственного значения были отфильтрованы на самом начальном этапе. Речь идет о прилагательных *американские*, а также *русские* или *российские* (т. е. относящиеся к десятилетиям XIX в.):

> Мы знаем: русские семидесятые годы — это стихийное вторжение капитализма в полуфеодальную Русь, это бешеный разгул спекуляций, биржевой ажиотаж, миллионные барыши банковских и железнодорожных магнатов, их дикие кабацкие оргии [К. И. Чуковский. Читая Ахматову // «Москва», 1964].

> Несмотря на отдельные частные неточности, мы стремились воссоздать в сценарии, а потом и в фильме жизнь, атмосферу, среду российских сороковых годов прошлого века [Эльдар Рязанов. Подведенные итоги (2000)].

Эти прилагательные используются для того, чтобы обозначить иной пространственно-временной ряд, чем дефолтную для этой конструкции хронологию советской истории, которая рассматривается в этом исследовании.

Наиболее частым из оставшихся прилагательных является прилагательное *советские*, которое используется как способ противопоставления *советского* десятилетия другой несоветской истории, будь то предшествующая дореволюционная история или же синхронная зарубежная:

> Их разлучили в советские тридцатые годы, когда монастырь был закрыт, а кладбище срыто [Аркадий Мурашев. Федор Чижов // «Знание — сила», 1997].

> Поэтому у поколения «П» на самом деле не было никакого выбора, и дети советских семидесятых выбирали «Пепси» точно так же, как их родители выбирали Брежнева [Виктор Пелевин. Generation «П» (1999)].

> Маленькая, наконец расслабившаяся в большом и широком кресле-кровати — нелепом произведении советских шестидесятых, она листала томик, теплый свет согревал лицо, руки и книгу [Петр Алешковский. Седьмой чемоданчик (1997–1998)].

Как видно из приведенных цитат, на самом деле чаще всего за употреблением прилагательного *советские* стоит не столько локализация, сколько особая периодизация, привязанная к Советскому Союзу как к пространству. Прилагательное *советские* содержит идею несостоявшейся альтернативы — иной судьбы, не той, что принесли советские годы, иных возможностей и даже иного материального мира. Как и с прилагательными со значением реалий, прилагательное *советские* несет в себе скрытую оценку, которая проявляется через имплицитное сопоставление памяти о десятилетии с альтернативным «несоветским», возможно, воображаемым воспоминанием.

Кроме прилагательного *советские*, конструкция с этим семантическом классом встречается еще с тремя уникальными прилагательными — *столичные девяностые*, *московские* и *ленинградские шестидесятые*. Как мы уже видели раньше, эти два десятилетия обладают свойством трансформировать семантику прилагательных разных классов за счет негативного (для 1990-х) или позитивного (для 1960-х) импульса, задаваемого конструктами коллективной памяти.

Так, в случае с *девяностыми* прилагательное *столичные* является на самом деле не столько локативным, сколько отсылающим к реалиям того времени и имплицирующим негативную оценку:

> Столичные девяностые, этот раздувшийся от долларов симулякр, они приняли за образ свободы, и образ этот им решительно не понравился [Кирилл Кобрин. «Обозначающие фашизм» (2003)].

1990-е, как их проживали в столице, оказываются средоточием нечестно нажитого богатства; *столичные девяностые* встают, таким образом, в один ряд с *бандитскими* и *криминальными*.

Принципиально иное значение имеют локативные прилагательные в конструкции с *шестидесятыми*. Обозначение места не связано здесь с противопоставлением, место *шестидесятых* метонимически отсылает к людям — к сообществам, культурным объединениям, к тем, кто создавал дух эпохи:

> Но сначала — о генеалогии и становлении. Попов родом из ленинградских шестидесятых. Он — участник «ленинградской школы прозаиков», которая сложилась и заявила о себе в амбивалентно оцениваемое десятилетие, но быстро задохнулась в затхлой атмосфере «великого города с областной судьбой» [Марк Амусин. Между законом и благодатью // «Звезда», 2001].

> Нет, не годится даже для застольного исполнения в московских шестидесятых! [Александр Пятигорский. Вспомнишь странного человека (1997)].

Память о *ленинградских* или *московских* 1960-х — это память о культурно значимых социумах Ленинграда и Москвы. За этими социумами могут стоять вполне конкретные имена, как в первой цитате, или же, скорее, обобщенные образы, как во второй. Представляется, что семантика этих прилагательных является своего рода ключом к тому, почему 1960-е как существующий мнемонический образ настолько не похожи на другие десятилетия. По-видимому, это единственное десятилетие советской и постсоветской истории, для которого люди (социум), а не страна (государство) являются основным сюжетом культурной и исторической памяти.

В заключение следует еще раз обратиться к методологическим предпосылкам представленного исследования. Многие из представленных данных статистически невалидны. Это значит, что с помощью статистических тестов несложно показать, что разброс между частотностями тех или иных словосочетаний часто лежит в пределах случайного, а количество рассматриваемых случаев зачастую слишком мало, чтобы признать достоверными построения и выводы. С точки зрения стандартного подхода науки о данных, это исследование построено на плохой, ненадежной выборке. Однако семиотическая структура конструкции эпитетов времени, а именно то, каким образом языковой знак (означающее) указывает на смысл (означаемое), задает иную шкалу оценки значимости — не статистическую, а фактическую. Любое уникальное употребление конструкции является заведомо не случайным фактом. Интерпретация семантики прилагательного, то, какие именно свойства десятилетия оно характеризует, является одним из способов анализа многогранного и сложно уловимого конструкта коллективной исторической памяти. Каждое из полученных в выборке из НКРЯ предложений с конструкцией эпитета деся-

тилетия, по сути, открывает доступ к этому конструкту для его исследования и описания. Значимым является то, насколько доступной оказывается память о десятилетии, т. е. фактическое количество встретившихся конструкций с каждым десятилетием, и то, каким образом, с помощью каких именно прилагательных мы получаем этот доступ. Национальный корпус русского языка является сбалансированной языковой моделью, а это значит, что исследования, сделанные на основе собранных в корпусе текстов, могут быть экстраполированы на язык в целом. Тем не менее в случае фактической, а не статистической значимости нельзя исключить, что замена текстов на другие даже при сохранении жанрового и диахронического баланса может дать несколько иные результаты — могут появиться другие характеристики десятилетий, не попавшие в первоначальную выборку. Появление новых примеров даст новые ключи и способы описания коллективного представления об истории, обогатив и дополнив его анализ, представленный выше.

Литература

Брагина 2007 — *Брагина Н. М*. Память в языке и культуре. М.: Языки славянских культур, 2007.

Вайль, Генис 2013 — *Вайль П. Л., Генис А. А*. 60-е. Мир советского человека. М.: Corpus, 2013.

Васильев 2012 — *Васильев А. Г*. Культурная память / забвение и национальная идентичность: теоретические основания анализа // Культурная память в контексте формирования национальной идентичности России в XXI веке: коллективная монография: Сб. ст. / Отв. ред. Н. А. Кочеляева. М.: Совпадение, 2012. С. 29–57.

Зализняк 2007 — *Зализняк Анна А.* Семантика кавычек // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Тр. междунар. конф. «Диалог 2007» (Бекасово, 30 мая — 3 июня 2007 г.) / Под ред. Л. Л. Иомдина, Н. И. Лауфер, А. С. Нариньяни, В. П. Селегея. М.: Изд-во РГГУ, 2007. С. 188–194.

Зенкин 2007 — *Зенкин С. Н*. Морис Хальбвакс и современные гуманитарные науки // Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. М.: Нов. изд-во, 2007. С. 7–26.

Колесов 1986 — *Колесов В. В.* Мир человека в слове Древней Руси. Л.: Изд-во ЛГУ, 1986.

Лотман 1996 — *Лотман Ю. М*. Внутри мыслящих миров: Человек — текст — семиосфера — история. М.: Языки русской культуры, 1996.

Лотман 2000 — *Лотман Ю. М*. Культура и взрыв // Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб.: Искусство-СПБ, 2000. С. 12–149.

Рахилина 2010a — Лингвистика конструкций / Отв. ред. Е. В. Рахилина. М.: Азбуковник, 2010.

Рахилина 2010b — [*Рахилина Е. В.*] Предисловие от составителя // Лингвистика конструкций / Отв. ред. Е. В. Рахилина. М.: Азбуковник, 2010. С. 13–15.

Плунгян и др. 2005 — *Плунгян В. А., Резникова Т. И., Сичинава Д. В*. Национальный корпус русского языка: общая характеристика // Научно-техническая информация. Сер. 2: Информационные процессы и системы. 2005. № 3. С. 9–13.

Хальбвакс 2007 — *Хальбвакс М*. Социальные рамки памяти. М.: Нов. изд-во, 2007.

Holm et al. 2015 — *Holm P., Jarrick A., Scott D*. Humanities world report 2015. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2015.

Zerubavel 2003 — *Zerubavel E*. Time maps: Collective memory and the social shape of the past. Chicago: Univ. of Chicago Press, 2003.

Names of time: Epithets of decades in the Russian National Corpus as a projection of cultural memory

Bonch-Osmolovskaya, Anastasiya A.
PhD (Candidate of Science in Philology)
Associate Professor, School of Linguistics, Faculty of Humanities,
National Research University Higher School of Economics
Russia, 101000, Moscow, Myasnitskaya str., 20
*Tel.: +7 (495) 772-95-90 *22504*
E-mail: abonch@gmail.com

Abstract. In this paper we consider constructions that involve the name of a decade — *the twenties, the thirties, the forties* etc. — and an adjective in attributive function. The basic assumption is that these constructions reflect the mnemonic pattern of each decade in Soviet and Post-Soviet history, and, therefore, that analysis of these constructions provides a way to reconstruct these patterns. The data for this research was obtained from the Russian National Corpus. Six semantic adjectival classes have been designated, each of which sets its own projection of the mnemonic pattern of the decade in the language. Comparison of the collocations of different adjectives and decade names allows us to determine which significant 20th century time periods exist in cultural memory and to identify the associative traits connected with these decades. As a result, our research shows the differences in perception of the various decades and allows us to reconstruct the "memory landscape" of Soviet and Post-Soviet history.

Keywords: cultural memory, corpus studies, lexical and grammatical constructions, the Russian National Corpus

References

Bragina, N. M. (2007). *Pamiat' v iazyke i kul'ture* [Memory in language and culture]. Moscow: Iazyki slavianskikh kul'tur. (In Russian).

Holm, P., Jarrick, A., Scott, D. (2015). *Humanities world report 2015*. Basingstoke: Palgrave Macmillan.

Khal'bvaks, M. (2007). *Sotsial'nye ramki pamiati* [Trans. from Halbwachs, M. (1925). *Les cadres sociaux de la mémoire*, Paris: Alcan]. Moscow: Novoe izdatel'stvo. (In Russian).

Kolesov, V. V. (1986). *Mir cheloveka v slove Drevnei Rusi* [The world of people in Old Russian discourse]. Leningrad: Izdatel'stvo LGU. (In Russian).

Lotman, Yu. M. (1996). *Vnutri mysliashchikh mirov: Chelovek — tekst — semiosfera — istoriia* [Inside the thinking worlds: Man — text — semiosphere —history]. Moscow: Iazy'ki russkoi kul'tury. (In Russian).

Lotman, Yu. M. (2000). Kul'tura i vzryv [Culture and explosion]. In Yu. M. Lotman. *Semiosfera* [Semiosphere], 12–149. St. Petersburg: Iskusstvo-SPB. (In Russian).

Plungian, V. A., Reznikova, T. I., Sichinava, D. V. (2005). Natsional'ny'i korpus russkogo iazy'ka: obshchaia kharakteristika [The Russian National Corpus : General overview]. *Nauchno-tekhnicheskaia informatsiia* [Scientific and technical information], Ser. 2: *Informatsionnye protsessy i sistemy* [Informational processes and systems], *2005*(3), 9–13. (In Russian).

Rakhilina, E. V. (Ed.) (2010a). *Lingvistika konstruktsii* [Construction linguistics]. Moscow: Azbukovnik. (In Russian).

Rakhilina, E. V. (2010b). Predislovie ot sostavitelia [Editor's preface]. In E. V. Rakhilina (Ed.). *Lingvistika konstruktsii* [Construction linguistics], 13–15. Moscow: Azbukovnik. (In Russian).

Vail', P. L, Genis, A. A. *60-e. Mir sovetskogo cheloveka* [The 60s. The world of Soviet people]. Moscow: Corpus. (In Russian).

Vasil'ev, A. G. (2012). Kul'turnaia pamiat' / zabvenie i natsional'naia identichnost': teoreticheskie osnovaniia analiza [Cultural memory/oblivion and national identity: theoretical bases of analysis]. In N. A. Kocheliaeva (Ed.). *Kul'turnaia pamiat' v kontekste formirovaniia natsional'noi identichnosti Rossii v XXI veke* [Cultural memory in the context of Russian national identity formation in the XXI century], 29–57. Moscow: Sovpadenie. (In Russian).

Zalizniak, Anna A. (2007). Semantika kavychek [The semantics of inverted commas]. In L. L. Iomdin, N. I. Laufer, A. S. Narin'iani, V. P. Selegei. *Komp'iuternaia lingvistika i intellektual'nye tekhnologii: Trudy mezhdunarodnoi konferentsii "Dialog 2007" (Bekasovo, 30 maia — 3 iiunia 2007 g.)* [Computational Linguistics and Intellectual Technologies: Papers from the Annual International Conference "Dialogue"], 188–194. Moscow: Izdatel'stvo RGGU. (In Russian).

Zenkin, S. N. (2007). Moris Khal'bvaks i sovremennye gumanitarnye nauki [Maurice Halbwachs and contemporary humanities]. In M. Khal'bvaks. *Sotsial'nye ramki pamiati* [Trans. from Halbwachs, M. (1925). *Les cadres sociaux de la mémoire*, Paris, Alcan], 7–26. Moscow: Novoe izdatel'stvo. (In Russian).

Zerubavel, E. (2003). *Time maps: Collective memory and the social shape of the past*. Chicago: Univ. of Chicago Press.

To cite this article:

Bonch-Osmolovskaya, A. A. (2018). Imena vremeni: epitety desiatiletii v Natsional'nom korpuse russkogo iazyka kak proetsiia kul'turnoi pamiati [Names of time: Epithets of decades in the Russian National Corpus as a projection of cultural memory]. *Shagi / Steps*, *4*(3), 115–146. (In Russian).

Received April 5, 2018